
Савченко Д. В.
18:40
Психологическая проза

Даниил Савченко

18:40

«Автор»
2026

Савченко Д.

18:40 / Д. Савченко — «Автор», 2026

Артём возвращается в родной город, чтобы продать оставшуюся от отца мастерскую. Он уверен, что приехал только из-за документов. Но у старой пристани, где много лет назад погибла его сестра, всё ещё живут вопросы, от которых он пытался уехать. Два друга помнят тот день по-разному. Иван верит, что счастье дают слава, деньги и власть. Василий — что оно прячется в каждом прожитом мгновении. Однажды у костра их разговор о счастье заставит Артёма иначе услышать собственное прошлое. А время 18:40 окажется совсем не тем, чем он считал его много лет.

© Савченко Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение 5
1. Дорога обратно 6
2. Человек в чистой рубашке 8
3. Тот, кто остался 10
4. Комната, которую не открывали 12
5. Соня считает людей 13
6. Чужие голоса 15
7. Нужные люди 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Даниил Савченко
18:40

Введение

В тот вечер никто из нас не собирался говорить о счастье.

Мы вообще редко говорили о вещах, для которых не находилось простого ответа. О деньгах — пожалуйста. О работе, о чужих ошибках, о том, кто уехал и кто вернулся, — сколько угодно. Но стоило разговору приблизиться к чему-нибудь настоящему, как обязательно находился человек, которому нужно было подбросить дров в костёр или сходить за водой.

Мне тогда казалось, что молчание — это способ сохранить мир. Теперь я думаю иначе. Иногда люди молчат не потому, что им нечего сказать, а потому, что они слишком хорошо знают, что услышат в ответ.

Я вернулся в Луговое спустя шесть лет. Достаточно долгий срок, чтобы улицы стали уже, знакомые лица — старше, а собственные воспоминания — подозрительно удобными. В памяти всё было устроено так, будто у каждого события имелась причина, у каждой ссоры — виноватый, а у каждой потери — точная дата. На самом деле память ничего не объясняла. Она только снова и снова приводила меня к одному вечеру.

На часах было 18:40.

Я не знал, почему запомнил именно эти цифры. Может быть, потому, что человеку легче держаться за время, чем за то, чего он уже не может изменить. Можно сколько угодно пересчитывать минуты, искать лишнюю секунду, представлять другой поворот дороги, другой звонок, другое слово. Время от этого не двигается.

Василий говорил, что жить нужно сейчас. Иван был уверен, что настоящее ничего не стоит, если не превратить его во что-то большее. Я слушал обоих и не понимал, как они могут так уверенно рассуждать о счастье. Мне самому оно казалось чем-то неловким, почти неприличным: как смеяться в доме, где недавно кто-то умер.

Позже я понял, что в тот вечер мы спорили вовсе не о счастье. Каждый из нас пытался оправдать собственную жизнь.

Но тогда костёр ещё только разгорался. В реке темнела вода. Кто-то смеялся, кто-то искал спички, и всё самое важное ещё можно было не произносить.

1. Дорога обратно

Автобус опоздал на семнадцать минут. Я это знал точно, хотя давно перестал носить часы. Время было написано на телефоне, а ниже — сообщение от матери: «Ты где?» Она всегда ставила вопросительный знак, даже когда спрашивала, купил ли я хлеб. Иногда мне казалось, что это её способ не выглядеть испуганной.

Я ответил: «Уже подъезжаю». Автобус в это время стоял у закрытого кафе. Водитель вышел покурить. Он делал это так обстоятельно, будто в салоне сидели не люди, которым надо куда-то попасть, а вещи на хранении. Через мутное стекло я смотрел на знакомую вывеску. Несколько букв отсутствовало, и вместо «ЗАКУСОЧНАЯ» читалось «ЗА…НАЯ». В детстве мы смеялись бы до слёз. Теперь никто даже не посмотрел.

В Луговое я не приезжал почти шесть лет. За это время успел сменить три квартиры, одну работу и привычку представляться. Раньше говорил «Артём», теперь — «Тёма, можно просто Тёма». По непонятной причине это казалось важным. Впрочем, дома меня по-прежнему звали Артёмом. И, наверное, правильно делали.

Мать ждала у подъезда, хотя я просил не выходить. Она стояла в вязаной кофте, застёгнутой не на те пуговицы, и держала в руках ключи. Увидев меня, не бросилась обнимать, как я опасался. Сначала осмотрела лицо, словно проверяла, тот ли человек приехал. Потом сказала:

— Похудел.

— Ты каждый раз это говоришь.

— Каждый раз правда.

В квартире пахло чаем, пылью из шкафа и яблоками. Запахи не меняются, потому что им, в отличие от людей, некуда торопиться. Мать поставила сумку в угол прихожей и сразу начала рассказывать про трубу, которую меняли в ванной. Я слушал, кивал и никак не мог заставить себя посмотреть на дверь в конце коридора.

Комнату Лены она не открывала. Мне было известно, что там давно хранились коробки с зимней обувью, швейная машинка и разобранный пылесос. Однако дверь оставалась той же: белая, с полоской от скотча, которым Лена когда-то приклеила бумажную звезду. Звезда отвалилась ещё при её жизни. Полоска осталась.

— Ваню видел? — спросила мать за ужином.

Я отложил вилку.

— Какого Ваню?

Она посмотрела на меня поверх очков.

— У нас их столько, что ли?

Я покачал головой. Ивана я не видел с похорон. В интернете видел фотографии: рядом с автомобилями, в кабинете с большим окном, на открытии спортивной площадки. На каждой он стоял прямо и улыбался почти одинаково, как будто кто-то однажды объяснил ему правильное положение лица.

— Звонил вчера, — продолжила мать. — Сказал, поможет с мастерской. Он теперь всем тут помогает.

— А откуда он знает, что мы решили продавать?

— В маленьком городе трудно что-нибудь не знать.

Мастерская досталась нам от отца. Он ремонтировал в ней лодочные моторы, а в последние годы — всё, что люди приносили: электроплитки, насосы, старые радиоприёмники. После его смерти она стояла закрытой. Налоги мы платили, крышу никто не чинил. Иван предложил купить участок под будущую набережную. Я приехал оформить бумаги. Так проще было объяснять поездку знакомым.

Перед сном я вышел на балкон. Между домами виднелась река — тёмная полоска, в которой отражались два фонаря. Я считал окна на противоположной стороне. Четыре горели, пять были тёмными, шестое мигало телевизором. Раньше там жили Грачёвы. Интересно, живы ли ещё?

Телефон показал 18:40. Я не заметил, что всё это время смотрел на него, пока экран не погас.

На кухне мать что-то уронила и сказала: «Да что ж такое». Обычный домашний звук, негромкий и раздражённый. Я пошёл помочь. Но перед тем, как войти, всё-таки оглянулся на реку.

2. Человек в чистой рубашке

Иван приехал на следующий день к десяти. Не позвонил в дверь — набрал меня по телефону и попросил спуститься. В трубке звучала музыка, басы которой били так, будто он разговаривал изнутри стиральной машины.

— Ты теперь к подъездам не подходишь? — спросил я.

— Не начинай, я на две минуты. Кофе взял.

Он стоял у чёрной машины, совершенно не подходящей двору с выбоинами и ржавой сушилкой для белья. В руках держал два бумажных стакана. Надел светлую рубашку с закатанными рукавами, часы и тёмные брюки, хотя было воскресенье.

— Артём! — сказал он и обнял меня одним плечом. — Живой.

Это слово повисло между нами. Иван, кажется, тоже услышал его не так, как собирался. Быстро сунул мне кофе.

— Слушай, я заехать хотел лично. Про участок поговорить. Да и вообще.

— У тебя же люди для этого есть.

— Для участка есть. Для тебя нет.

Он улыбнулся, ожидая, что я оценю фразу. Я не оценил. Кофе оказался горячим и слишком сладким.

Мы обошли двор. Иван говорил о проекте уверенно, почти без пауз. Реку должны были расчистить, на месте пустыря поставить павильоны, дорожку довести до старого причала. Рабочие места, городской праздник, новые фонари. Слышалось, что он повторял это не раз — инвесторам, чиновникам, журналистам. Иногда он останавливался и проверял моё лицо: понятно ли? Я кивал.

— А мастерская?

— Там будет проход. Сейчас между водой и домами лабиринт из заборов. Люди не могут нормально выйти к реке.

— Люди как-то выходят.

— Именно. Как-то. В этом весь наш город.

На остановке старушка с тележкой попыталась подняться на бордюр. Иван замолчал, помог ей и вернулся к разговору. Не было похоже, что он сделал это ради меня. Он даже не стал упоминать случившееся.

— Сколько? — спросил я.

Он назвал сумму. Денег хватило бы закрыть мамин кредит и вывезти её на лечение колена. Осталось бы немало.

— Ты щедрый.

— Я не щедрый, — сказал Иван. — Я считаю. Там узкий участок, без него проект будет выглядеть как человек без переднего зуба. Можно обойти, но зачем?

Он умел говорить о деньгах без смущения. Мне это всегда казалось особым талантом. В девятом классе Иван носил куртку старшего брата и заклеивал трещину на телефоне скотчем. Когда учитель физики при всех спросил, почему он не купит нормальный калькулятор, Иван не ответил. А после урока разломал свой старый карандаш на четыре части. Я видел, но сделал вид, что не видел.

— Ты счастлив? — спросил я неожиданно.

Иван посмотрел на меня как на человека, который обратился к нему на иностранном языке.

— Чего?

— Ничего. Просто спросил.

— Давай на эту тему вечером, — сказал он. — Пока у нас земля, бумаги и время, которого всегда мало.

В машине загорелся экран. Иван глянул на сообщение, нахмурился и быстро убрал телефон в карман.

— На причал сходи, — сказал он. — Там Васю встретишь. Он теперь всё время у воды. Вы друг друга узнаете, думаю.

— Вы общаетесь?

— Иногда. Мы же не враги.

Он произнёс последнее слишком быстро, сел в машину и уехал. Я остался со стаканом кофе, который так и не допил. На его дне плавало что-то светлое. Пенка, наверное. Или сахар, который не размешался.

3. Тот, кто остался

Дорога к старому причалу шла вдоль гаражей. На одном вороте кто-то краской написал «СРОЧНО ПРОДАМ», а ниже, другим почерком, «НЕ НАДО». Я остановился, прочитал ещё раз и почему-то засмеялся.

Василий сидел на перевёрнутой лодке и зашивал чехол от мотора. Игла у него была толстая, пальцы в мелких порезах. Волосы отросли, лицо стало уже, но движения остались прежними: спокойными, без лишней спешки. Когда он увидел меня, не встал сразу, а воткнул иглу в ткань, чтобы не потерять.

— Приехал, — сказал он.

— Как видишь.

— Ты только не обижайся. У нас тут новости с запозданием. Я ещё вчера слышал.

Мы пожали руки. Мне захотелось извиниться за шесть лет молчания, но от какой фразы ни начни, всё звучало бы как оправдание.

Вася предложил чай из термоса. Кружка была одна, с трещиной возле ручки. Он вытер её рукавом, хотя она выглядела чистой.

— Говорят, всю набережную переделают, — начал я.

— Говорят много. У нас если слухи собирать, можно вторую реку наполнить.

— Тебе не нравится?

— Мне не нравится, что стариков с лодками гонят из сараев. Но вода чище станет, если сделают как обещали. Тут по-всякому.

Василий работал в ремонтной артели, помогал спасателям с лодками и иногда подменял сторожа на базе. Жил один в домике покойного деда. В тридцать лет у него не было машины, собственной семьи и, кажется, ни одного плана длиннее воскресенья. Во мне шевельнулось неприятное чувство превосходства, за которое тут же стало стыдно. Вася уловил взгляд.

— Чего?

— Ничего. Ты изменился.

— Ну спасибо. Было бы странно, если нет.

Он налил себе чай, и мы несколько минут смотрели, как у берега скапливается пена. Мимо прошёл мужчина с пакетом бутылок. Мужчина остановился, поздоровался с Васей и спросил, не нужна ли помощь с мотором. Вася ответил, что пока справляется. Меня он не представил; я был ему одновременно знакомым и чужим.

— Про Лену мать сказала? — спросил он наконец.

Я опустил глаза.

— Что именно?

— Да ничего. Вчера она здесь была. Долго стояла.

Мать никогда не говорила, что ходит на причал. Я представил её на шатких досках, среди ржавых колец и мокрых верёвок. В кармане у неё, наверное, лежали таблетки и список покупок.

— Ты её не остановил?

— Зачем? Она же не маленькая.

— Там опасно.

— Я рядом был.

Я хотел сказать, что этого недостаточно. Слова уже поднялись в горло, но Вася посмотрел на меня так спокойно, что я передумал. Мы оба знали: однажды рядом были все, кто должен был быть рядом, и это ничего не изменило.

Он предложил прийти в пятницу на старый берег, к кострищу за тополями. «Посидим как раньше, — сказал. — Я, ты, Ваня. Может, Соня заглянет». Имя Сони прозвучало неожиданно. Я не спрашивал о ней у матери, хотя именно она первой пришла тогда в больницу.

— А Ваня придёт?

— Если освободится от власти над миром.

Вася улыбнулся. Я не понял, шутка это или обида.

Перед уходом я заметил, что он чинил чехол красной ниткой. Такая же красная нитка когда-то была на Лениных варежках. Я ничего не сказал. Солнце вышло из-за облака, и железные лодочные борта на секунду засияли, как новые.

4. Комната, которую не открывали

Вечером мать попросила разобрать шкаф. Не тот, в коридоре. Лениный. Она сказала это, стоя спиной ко мне и оттирая от плиты пятно, которого я не видел.

— Там вещи ненужные. Сестра твоя всё записывала, может, бумаги какие остались. А то я одна не могу.

Она произнесла «сестра твоя», словно Лена просто уехала в другую область и оттуда редко писала. Мне стало легче от этой обыденности и одновременно невыносимо.

В комнате было прохладнее, чем во всей квартире. На подоконнике лежали гайки, под столом стоял сломанный вентилятор. Стены выцвели вокруг прямоугольников, где висели фотографии. Я помнил их расположение, но не мог вспомнить, что на них было. Оказалось, память умеет сохранять гвоздь и выбрасывать картинку.

В верхнем ящике нашлись тетради: рецепты, выписанные из интернета; какие-то названия песен; список фильмов, от которых Лена «точно будет плакать». На последней странице одной тетради была фраза: «Я хочу, чтобы меня слышали, а не угадывали». Я узнал её почерк сразу — буквы стояли тесно, каждая немного наклонялась вперёд.

Я просидел над фразой дольше, чем над остальными вещами. Прежде мне казалось, что я знал Лену лучше других. Ей нравились оранжевые леденцы, она боялась глубокой воды и не умела говорить тихо, если чувствовала несправедливость. Но чего она хотела от жизни? Куда собиралась после школы? В какие дни боялась просыпаться? На эти вопросы я не мог ответить.

Мать заглянула в дверь.

— Ты нашёл документы?

— Нет. Тут тетради.

— Не выбрасывай, — сказала она и ушла.

Снизу в ящике лежал старый диктофон. Серебристый, размером с ладонь, с западающей кнопкой записи. Он принадлежал отцу. Лена брала его для школьной газеты, записывала чужие рассказы о войне, о заводе, о том, как раньше ходили пароходы. Отец сердился, когда она забывала вернуть батарейки.

Я включил диктофон. Экран мигнул и погас. На боковой крышке осталась клейкая бумажка: «18:40». Писала её не Лена: буквы были слишком ровные. Я положил аппарат рядом с тетрадями и почувствовал знакомое покалывание в пальцах. Так бывало перед выступлениями, перед звонками, в которых можно услышать плохую новость, и иногда просто в магазине, если кассир долго искал сдачу.

Когда я вышел, мать сидела перед телевизором без звука.

— Мам, а ты помнишь, во сколько тогда позвонили из больницы?

Она не сразу повернула голову.

— Зачем тебе?

— Просто.

— Не было одного звонка, Артём. Сначала соседка, потом скорая, потом врач. Ты думаешь, что всё можно разложить по минутам, и станет понятно. Не станет.

Я хотел возразить, что иногда именно минуты имеют значение. Но её голос дрогнул на последнем слове, и я промолчал.

За стеной плакал чей-то ребёнок. Недолго, с обидой, которая исчезает, когда тебя берут на руки. Мать увеличила громкость телевизора. Я убрал диктофон в карман.

5. Соня считает людей

Соня работала в районном архиве и фотографировала свадьбы. Про архив она говорила «основная работа», а про свадьбы — «чтобы было на что проявлять прошлое». Иногда люди смеялись. Она перестала повторять шутку, но мне всё же сказала её по старой привычке.

Мы встретились в маленьком кафе возле вокзала. Из колонок играла мелодия без слов. Соня пришла в сером плаще, волосы собрала резинкой от денег. При виде меня она не улыбнулась сразу. Сначала убедилась, что я собираюсь остаться.

— Как доехал?

— Удивительно долго для такого маленького расстояния.

— Это Луговое. Здесь даже дорога не хочет торопиться.

Она заказала чай и пирожок с капустой. Я пытался угадать, замужем ли она, есть ли у неё дети, счастлива ли она. На безымянном пальце не было кольца, но я не доверял таким признакам. Соня поймала мой взгляд.

— Спрашивай, пока у тебя шея не вывихнулась.

— Ты всегда так разговаривала?

— Только с теми, кто пропадает на шесть лет.

Она не обижалась на меня напоказ. От этого становилось хуже. Я рассказал про предложение Ивана и попросил посмотреть документы о старом причале. Соня вздохнула.

— Вы все возвращаетесь сюда с бумагами. Иван — с планами, ты — с правами собственности, Вася приносит старые технические паспорта. А река просто течёт.

— Ты на чьей стороне?

— Я не на войне.

Несколько минут мы ели молча. За соседним столом подростки спорили о том, что хуже — сдать экзамен на тройку или вообще его провалить. Один сказал: «Потом всё равно никто не спросит». Другой возразил: «Мать спросит». Соня тихо усмехнулась.

— Я знаю, зачем ты приехал на самом деле, — сказала она.

— И зачем?

— Проверить, правда ли здесь всё осталось таким, как ты помнишь. Или это ты всё это время застрял.

Я хотел пошутить, но не нашёл ничего подходящего.

— У Лены был диктофон, — сказал я. — Нашёл вчера. С запиской про время.

Соня перестала жевать.

— Ты включал?

— Не работает.

— Батарейки менял?

— Пока нет.

Она аккуратно положила вилку.

— Ты помнишь, что она записывала в тот день?

— Нет. Я вообще не помню, чтобы она брала его с собой.

— Она брала, — тихо сказала Соня. — Мы хотели сделать материал про причал. Я должна была идти с ней. У меня разболелся живот, я осталась дома. Ей было семнадцать, а она решила сама поговорить с рабочими и всё записать. Упрямая была.

Когда Соня сказала «была», она отвела глаза к окну. Я впервые за утро увидел не фотографа, не архивистку, не человека, который разбирается в бумагах, а девочку в школьной куртке на больничной лестнице.

— Ты тогда мне этого не сказала.

— Ты тогда никого не слушал.

Она не упрекала. Просто напомнила факт. Из всех возможных обвинений такие действуют сильнее всего.

Перед уходом Соня предложила помочь с диктофоном. У неё дома хранился старый универсальный зарядник и несколько переходников. Мы договорились встретиться завтра. Она записала мой новый номер, хотя он у неё был. Я заметил это и спросил почему.

— Чтобы точно сохранить, — сказала Соня. — Люди исчезают легче, чем контакты.

На улице начинался дождь. Она ушла в сторону архива, а я долго смотрел ей вслед, не желая признавать, что ждал от встречи прощения. Как будто достаточно вернуться туда, где когда-то поступил плохо, чтобы тебе выдали справку: теперь всё в порядке.

6. Чужие голоса

Соня жила на третьем этаже дома, который раньше принадлежал железнодорожникам. В подъезде пахло варёной свёклой. На лестничной клетке стояли лыжи без креплений. У неё в квартире было так много книг, что некоторые лежали под табуретом, чтобы тот не качался. Посреди комнаты, на столе, стоял ноутбук, подключённый к колонкам и магнитофону.

— У меня тут небольшая больница для техники, — объяснила Соня. — Только гарантий не даю.

Она открыла корпус диктофона тонкой отвёрткой и проверила контакты. Один позеленел от окисла. Пока Соня чистила его, я ходил по комнате и рассматривал снимки. Почти все были сделаны в Луговом. Пожилая женщина продавала семечки в бумажных кульках. Мальчик стоял в реке по колено, держа над головой ботинки. Мужчина у закрытого кинотеатра улыбался так, словно фильм только что закончился.

— У тебя люди всегда выглядят живыми, — сказал я.

— Было бы хуже наоборот.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Диктофон включился с третьей попытки. Экран показал дату, давно ушедшую вперёд: первое января какого-то невозможного года. Соня проверила список файлов. Их оказалось тридцать два, названия заменяли цифры. Мы открыли самый ранний.

«Ну скажите хоть что-нибудь», — прозвучал Лерин голос. Очень молодой, чуть хриплый. На заднем плане отец стучал чем-то металлическим.

«Что сказать? Зачем ты мою штуку взяла?»

«Пап, я делаю репортаж».

«Тогда запиши, что мотор без масла живёт меньше, чем человек без совести».

Они засмеялись. Смех отца был низким, с коротким кашлем в конце. Я не слышал его несколько лет и вдруг понял, что забывал именно эту часть: как он кашлял после смеха, как дышал, когда думал.

Я сел. Соня выключила запись.

— Не надо было? — спросила она.

— Нет. Надо. Просто я… ещё раз включи.

Мы прослушали файл дважды. Потом ещё один: интервью с женщиной из лодочной станции, которая ругалась на дорогой бензин. Лена задавала вопросы быстро и не всегда дожидалась ответа. Я почти видел, как она подаётся вперёд, если собеседник замедляется.

Последние файлы были повреждены. Один открывался треском, другой длился семь секунд, третий не воспроизводился совсем. Соня предложила сделать копию и попробовать восстановить данные.

— Только не обещай, что там что-то важное, — сказал я.

— Я и не обещаю.

— А если там последние её слова?

Соня посмотрела на меня.

— Артём, они не станут важнее всех остальных только потому, что были последними.

Мне захотелось возразить, но я не нашёл честного возражения. Мы сидели на полу, потому что стулья были заняты стопками бумаг. Соня спросила, помню ли я разговор с Леной утром перед тем днём. Помнил: мы поругались из-за отцовского фотоаппарата. Она хотела взять его к реке, а я запретил, потому что недавно сам разбил объектив и боялся, что отец узнает. Я сказал, что ей нельзя доверять вещи. Она хлопнула дверью.

— Вы потом помирились? — спросила Соня.

Я покачал головой.

— Вот именно это я и помню лучше всего.

За окном грузовик сдавал назад и пищал на одной ноте. Соня подвинула мне кружку чая. Он успел остыть. Я пил его маленькими глотками и слушал, как она объясняет, что испорченные файлы могут оказаться пустыми. Или там всего лишь ветер. Я боялся и того, и другого.

7. Нужные люди

Офис Ивана занимал половину бывшего универмага. Там, где раньше продавали пуговицы и школьную форму, теперь стояли стеклянные перегородки. На стене висела огромная фотография будущей набережной. Река на ней была чистой, небо голубым, прохожие — стройными и счастливыми. Похоже, в проект не включили ни одного жителя Лугового.

Секретарь предложила мне воду. Я отказался, и через минуту она всё равно принесла стакан. Иван вышел из кабинета, разговаривая по телефону.

— Нет, Серёжа, ты путаешь оплату и обещание оплаты. Это разные вещи. Позвони бухгалтеру.

Он убрал телефон и развёл руками.

— Сам понимаешь.

Я не понимал, но согласился.

На столе у него лежали аккуратно сложенные папки. В дальнем углу стояла детская поделка — бумажный кораблик под стеклом. Я спросил, кто сделал. Иван ответил: сын.

— Ему девять. Живёт с матерью в областном центре. По выходным приезжает.

— Ты женат?

— Был. Теперь сложно объяснить одним словом. Главное, с ребёнком всё хорошо.

Он произнёс это с той же уверенностью, с какой говорил о фонарях и тротуарах. Потом отвернулся к окну и добавил:

— Наверное, не всё. Но я стараюсь.

Мы долго смотрели план участка. По краю шла тонкая зелёная линия — пешеходная дорожка. Старая мастерская обозначалась серым прямоугольником. Иван сдвинул лист ближе ко мне.

— Нужна подпись владельца. Твоя мать согласна, но хочет, чтобы ты посмотрел.

— А пристани что будет?

— Разберём аварийные конструкции. Там дети ходят, кстати. В прошлом году двое провалились, один ногу сломал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.